

важную из оставшихся, затем следующую наиболее важную и так далее.[9]

Таким образом, для каждого респондента получался определенный набор релевантных ему характеристик, ранжированных по степени их значимости.

Психологический механизм отбора мы-идентификаций во многом аналогичен механизму отбора самохарактеристик – в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако, в отличие от отбора карточек, где респондент актуализирует свое внимание на самом себе и “примеряет” к себе названные категории, в вопросе о «мы-идентификациях» акцент смещается на отношение респондента к другим – окружающим его людям, группам или воображаемым сообществам, соотнося себя с которыми, он определенно чувствует близость или отторжение предложенных групп и общностей. При этом подключаются еще и эмоциональные структуры.

Таким образом, в основе процедуры отбора карточек лежит применение социальных категорий к себе, а в основе отбора групп – соотнесение себя с группами – социальными категориями. «Я-идентификации» – это группы принадлежности (groups of belongingness), «Мы-идентификации» – группы отношений (groups of references). «Я-идентификации» – это самоопределение в структуре социальных ролей и статусов. «Мы – идентификации» – это самоопределение в социальных связях и общностях.

В списке предлагаемых определений опрашиваемые могут найти разные категории: национальные, государственные, связанные с конкретным регионом, полом и семьей, религией, политикой, возрастом, профессией, социальным слоем, а также несколько психологических характеристик.

Что касается выбора коллективных идентификаций, то здесь идет речь об отношениях индивида с определенными группами сообществами. По сути, что человек выбирает в качестве близкой общности, и является для него значимым социальным образованием. В выбранных группах он видит возможные ресурсы или актуализированные сферы своей жизни.

Понятно, что главными социальными ресурсами, актуализируемыми в сознании большинства населения, остаются персональные сети потому, что круг знакомых и близких вызывает доверие и чувство защищенности перед лицом, например, чиновников из государственных органов или разнообразных анонимных «субъектов» вроде банков и корпораций, а также неконтролируемых событий в глобальном мире. Этот факт можно понимать и как проявление потребности в годы

радикальных перемен в присущих общинному укладу взаимоотношениях. Фердинанд Теннис был прав, рассматривая общность в качестве источника социальной стабильности. Персональные сети – основной ресурс адаптации к переменам.

Изучение политической идентификации позволяет оценить не только шансы политической партии или политического лидера на выборах, но и степень стабильности государственной власти в целом. Это важный индикатор развития социальных отношений и формирования социальных структур. Наибольшую значимость процесс идентификации приобретает в ходе политической социализации молодежи и ресоциализации людей среднего и старшего возраста, поскольку включает в себя анализ разнообразных моделей поведения, адаптационных стратегий, социальное позиционирование и оценку. Таким образом, индивид получает представление не только о целостной картине социума, но и видит свою включенность в контекст социально-политических отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Touraine A. Production de la societe. Paris, 1973, p. 360
2. В. А. Ачкасов Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999 год, выпуск 2. – [Электрон. ресурс] – 02 октября 2005. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/8achkas.html>
3. Ellenberger H.F. The discovery of the Unconscious: Basic Books. N.Y., 1970, p. 528
4. Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964, p. 203-204
5. Mead D.G. Mind, Self and Society. Chicago, 1936.
6. В. А. Ачкасов Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999 год, выпуск 2. – [Электрон. ресурс] – 02 октября 2005. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/8achkas.html>
7. Образ общества в постмодернистской социологии // [Электрон. ресурс] – 11 октября 2005. – Режим доступа: <http://chemnet.ru/rus/teaching/sociology/5.html>
8. Проблемы исследования политической идентичности // [Электрон. ресурс] – 11 октября 2005. – Режим доступа: <http://politanalysis.narod.ru/popova1.html>
9. Данилова Е.Н. Россияне и поляки через призму социальных идентификаций // [Электрон. ресурс] – 01 октября 2005. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/phpBB2/viewtopic.php?t=9&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=f76f47b2246bec8eac0af025819bc896>.

УДК 316.7

Бресткая О.Ю.

ПРОЦЕССЫ СТИГМАТИЗАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ И. ГОФМАНА

"Весь мир – сцена, а все люди – просто актеры, у них есть время выхода на сцену и исчезновения с нее, один человек играет несколько ролей..." – этот парафраз Шекспира стал афоризмом в социологии, благодаря Ирвингу Гофману, американскому социологу XX века, научное наследие которого пока что мало изучено не только в Беларуси, но и в целом в Восточной Европе.

Факт неширокой известности творчества Гофмана в русскоязычном пространстве связан, в первую очередь, с тем, что на русский язык была переведена только одна книга Гофмана "Представление себя другим в повседневной жизни", изданная в 2000 году. За последние несколько лет в российских

печатных и электронных социологических журналах появились также переводы отдельных глав книг Гофмана "Стигма" и "Анализ фреймов".

Интерес к творчеству Гофмана возрастает, начиная с последнего десятилетия XX века. Его книга «Представление себя другим в повседневной жизни» включена в список десяти «Книг двадцатого века» Американской социологической ассоциации наряду с книгами М. Фуко, М. Вебера, Ч. Райта Миллса, Р. Мертона, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Н. Элиаса, Н. Лумана и др. Она постоянно переиздается (ее суммарный тираж превышает полмиллиона экземпляров), она входит в университетские программы, переведена на десятки языков.

*Бресткая О.Ю., Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина.
Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.*

Однако И. Гофман не создал собственной научной школы. Причину тому называют несколько – склонность к литературному стилю, отсутствие систематического цитирования, отсутствие четкого следования принципам одной парадигмы, аморализм социологии «лицедейства», где даже благонравие не более чем «исполнение». Современники Гофмана относились к его работам критически. Тем не менее, исследования в области коммуникации, взаимодействия личности и построения идентичности в этом процессе после И. Гофмана строятся совсем по иному, чем до него.

Биографический отрывок

Ирвинг Гофман родился в небольшом канадском городе Мэнвилль в 1922 году. В 1945 году Гофман окончил факультет социологии и антропологии университета в Торонто и поступил на факультет социологии Чикагского университета. В Чикаго его учителями были Ллойд Уорнер и Эверетт Хьюз. Магистерская диссертация, защищенная в 1949 году, была посвящена изучению восприятия массовой аудиторией одной из знаменитых в конце 1940-х годов «мыльных опер».

В 1953 году Гофман защитил докторскую работу под названием «Коммуникативное поведение островитян». Она явилась результатом восемнадцатимесячного исследования и проживания на острове Диксон в 1949-1951. Предметом диссертационного исследования Гофмана стало изучение межличностных взаимодействий местных жителей.

Методологические установки раннего Гофмана развиваются преимущественно в рамках символического интеракционизма, и это диктуется, прежде всего, тематикой его исследований — межличностным взаимодействием. Однако уже в начале 1950-х годов наметился выход за пределы методологического индивидуализма. Первое, эдинбургское, издание книги «Представление себя другим в повседневной жизни»¹ опубликовано в 1956 году. Замысел «Представления себя другим» заключается в развертывании шести «драматургических принципов»: *исполнение* (performance), *команда* (team), *зона* (region), *противоречивые роли* (discrepant roles), *коммуникативный выход за пределы образа* (communication out of character) и *управление впечатлением* (impression management). В книге показан мир, в котором индивиды и группы преследуют собственные интересы, пренебрегая интересами других людей. В тех редких случаях, когда аудитория и исполнители вынуждены сотрудничать, они все-таки стараются надеть свои маски и скрыть подлинные «Я».

С 1954 по 1957 гг. Гофман сотрудничал с Национальным институтом психического здоровья, в 1955-1956 гг. исследовал в госпитале св. Елизаветы в Вашингтоне социальную организацию закрытого психиатрия, его интересовали особенности тотальных организаций и механизмы влияния таких организации на человеческую личность. По материалам исследования была написана книга «Приюты» [2] в 1961 году. В 1963 году была опубликована знаменитая книга «Стигма» [3], в которой автор, используя греческий термин, переносит понятия клейма с чисто визуального на рефлексивный уровень. В 1960-е годы в теоретических воззрениях Гофмана обозначился существенный поворот: театральная метафора уступает место концепции игры. В книгах «Ритуал взаимодействия» 1967 г. [4], «Стратегическое взаимодействие» 1970 г. [5]. Гофман рассматривает «движения» или перемещения, осуществляемые участниками взаимодействия. Эти работы открывают проблематику теории игр и теории рационального выбора.

Более десяти лет Гофман работал над своей главной книгой «Анализ фреймов» [6], которая вышла в свет в 1974 году. В «Анализе фреймов» и одной из последней книг «Формы

разговора» 1981 г. [7]. Гофман разработал метасхему для интерпретации повседневной жизни.

Между тем, он не только открыл новую предметную область — социальную организацию повседневного общения, но и создал оригинальный словарь для описания данной области. Вклад Гофмана в теоретическую социологию заключается в детальной разработке концепции социального «Я» и формулировке проблемы соотношения структуры и действия. Идеи Гофмана используются в семиотике, постмодернистских теориях, в социологическом описании потребительской культуры и публичной сферы.

С 1981 по 1982 Гофман был президентом Американской социологической ассоциации. Он преподавал на факультете Калифорнийского университета с 1958 года, а позднее в Пенсильвании - с 1968 года, где занимал должность профессора антропологии и социологии до своей смерти.

После Гофмана исследования социальных участников, публичного поведения, конструирования и деконструкции «Я», стигмы и форм повседневного взаимодействия уже приобретали иную форму. Введенная Гофманом терминология помогала уловить и по-новому интерпретировать поведение личности в обществе. Из его работ постепенно исчезает тематика полной индивидуализации личности в процессе коммуникации и на первое место выступает социальная детерминанта индивидуального поведения личности. Современники Гофмана часто подвергали критике его работы, а исследователи конца XX пытаются пересматривать его наследие по-новому, задаваясь вопросом "как прочтение общества Гофманом читается сегодня?"

Социология Э. Гофмана

Анализируя творчество Гофмана, можно обнаружить, что его интеллектуальная биография делится на несколько этапов. Проблематика работ Гофмана свидетельствует о том, что имея общую тему – *создание идентичности в процессе коммуникации*, автор в разные периоды своего творчества рассматривает ее с позиций разных дисциплинарностей. Он исследует данную сферу и с позиции этнографии, психопатологии, социальной психологии, социальной антропологии и с позиции структурного функционализма.

По большому счету он был этнографом и социальным антропологом, поскольку в большей степени полагался на наблюдение и участие, чем на статистические данные. Больше Гофман известен как автор теории повседневного взаимодействия, указывающей, что люди сознательно прикладывают усилия, чтобы создать идентичности. Он приписывал индивидам попытку представления себя другим специальным образом, который называл «менеджментом впечатлений», т.е. в добавок к этому он ввел концепт «драматургического анализа», который базировался на театральной сцене как метафоре, чтобы объяснить, как индивиды проживают свою жизнь как актеры на сцене, играющие свои роли для других. Гофман внес большой вклад в развитие теории социального взаимодействия, а его работы считаются интегральной добавкой к символическому интеракционизму.

Основные категории социологии Гофмана – интеракция, рамка, ситуация, актер, исполнение роли, драматургическая перспектива, стигма, тотальные институты, психическое расстройство.

Основной темой исследований Гофмана было повседневное взаимодействие лицом-к-лицу, т.е. обыденное взаимодействие между людьми, находящимися в непосредственном физическом присутствии друг друга. Одной из важнейших его заслуг было то, что он показал фундаментальную упорядоченность привычных и незаметных форм повседневного человеческого поведения (передвижения людей по улицам, разговорных взаимодействий, приветствий и прощаний, про-

¹ Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life.* – Edinburgh: University of Edinburgh, 1956.

явления вежливости и тактичности, разрешения маленьких споров и неурядиц и т.п.).

Гофман сочетал эмпирические методы с биографическим, историческим, литературным анализом. Его социология, несмотря на то, что очень сильно погружена в эмпирию, близка литературному жанру. Он обращается не только к этнографическим исследованиям, но и к анализу литературы. Он не беспокоится вопросом репрезентативности данных, а обращается к самой проблеме. Ему важно проиллюстрировать проблему, используя литературные примеры. Это напоминает антропологический подход, но не стандартизированное социологическое исследование. Его очень трудно приписать к какой-нибудь социологической школе и потому, что его не очень интересует большая теория, и потому, что его подход не всегда был внутренне согласован и четко структурирован.

Он концентрировался на проблемах, а не на перспективах. Его интересует, прежде всего, факт, в то время как понятийный аппарат и подбор инструментария для него всегда вторичен.

В Восточной Европе Гофман больше всего известен как автор концепта "социальной драматургии". Именно эта теория, прежде всего, репрезентирует Гофмана в Восточной Европе. Например, в Польше название книги "Представления себя другим в повседневной жизни" было переведено на польский язык как "Человек в театре повседневной жизни" (1981 г.), что делало акцент на "зеркальном" характере поведения человека в процессе коммуникации.

Принятие драматургической перспективы - присутствие иных людей неотвратимо влияет на наше поведение. Гофман последовательно разрушает миф о повседневности как мире свободно действующей личности и развертывает противоположное, реалистическое, понимание ситуации: "Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас". Такова формула, которую можно назвать "теоремой Гофмана". Проблема, следовательно, заключается в анализе структурной организации повседневного взаимодействия.

Однако весь мир не есть сцена, да и театр также не ограничивается одной сценой. Кроме концепции "драматургической перспективы" в теории коммуникации, Гофман описал механизмы вторичного контроля. Иногда Гофману ставили в вину, что он паразитировал на поверхности микросоциологии, что он избегал настоящей проблематизации социальной жизни (например, так считал Герберт Блумер). Блумер отрекся от Гофмана, а Гофман в свою очередь говорил, что он не претендует писать об основах социологии - организациях и социальных структурах. Он не занимался ни структурой общественной жизни, ни структурой индивидуального опыта в разных сферах общественной жизни. Он разделял позицию, что общество в каждом случае является первичным, в то время как переживания индивида, его проблемы - вторичны.

В Восточной Европе мало известна работа Гофмана "Стигма". Она посвящена вопросам стигматизации, клеймления разных сторон человеческой жизни. Такой стигмой, считал Гофман, может быть каждый атрибут, дискредитирующий человека. Физическое уродство, недостаток характера, раса, этничность или исповедание, которые принимаются как ненормальные. Гофман выделяет три типа стигмы. Это, во-первых, физические отклонения, во-вторых - недостатки индивидуального характера, и в-третьих, - родовая стигма, присутствующая целой социальной группе - расе, государству и т.д. Стигма - это то, что вызывает беспокойство и чувство стыда. Это то, что надо скрывать, игнорировать или контролировать. Самый важный вопрос, который хочет проанализировать Гофман - как эти стигматизированные атрибуты представляются и переживаются людьми на уровне сознания.

Гофман анализирует механизмы общественной стигматизации, а также рассматривает стратегии управления клеймом. Это управление производится и теми, кто клеймит и теми, кого клеймят. Люди в этой ситуации вступают во взаимодействие

как роли "нормальные" и "носители стигмы". В зависимости от того, являются ли их "ненормальность" публично признанной, они делятся на "дискредитируемых" и "потенциально дискредитируемых". Это различие и является предметом внимания Гофмана. При коммуникации стигматизированных и нормальных индивидов возникает ситуация неопределенности. Эта неопределенность в большей мере относится к стигматизированному индивиду. Как его примет собеседник, прохожий, водитель, учитель, и т.д.? Гофман делает вывод - поскольку стигматизированный индивид чаще нас оказывается в подобных ситуациях, он скорее нас научится ими управлять.

Как участники интеракции судят о том, что они должны что-то сделать с той "неловкой" ситуацией в которой находятся и используют для разрешения ситуации нечто общее доступное репертуару интерпретаций, запуская механизмы стигматизации посредством стереотипов. Ведь нежелательными качествами для нас являются те, которые не соответствуют нашим стереотипным представлениям о том, каким должен быть данный тип индивида. Характер "стигмы" определяется не самим фактом наличия или отсутствия клейма, а отношениями по поводу него. Часто, когда этот фактор устраняется, например, путем хирургической операции, индивид лишается той более или менее приемлемой эмоциональной защиты, которую ему давала стигма, и вскоре обнаруживает, что "нормальная" жизнь не всегда гладкая даже для тех, у кого "обычное" лицо.

Анализируя далее коммуникацию с позиции стигматизированной личности, Гофман производит классификацию людей на "своих" и "понимающих". К "своим" относятся люди, имеющие точно такую же стигму. "Свои" могут образовывать определенную социальную категорию или группу. Гофман подчеркивает, что в Америке независимо от размеров категории стигматизированных людей позиция ее членов почти всегда представляется публично. Он утверждает, что стигматизированные американцы, сколь бы далеко они ни были от культуры, в большинстве своем ориентируются на мир, живущий по законам литературной традиции. Когда стигматизированный индивид достигает высокого социального, он часто начинает профессионально в публичной сфере представлять свою категорию людей, они становятся "публичным каналом" для напоминания об их жизненной ситуации.

К "понимающим" могут относиться те, кто в силу особой ситуации посвящен в положение стигматизированного. Чтобы стать понимающим "нормальный индивид часто переживает что-то особенное, что меняет его взгляды на вещи. Причем легитимацию на "своего" стигматизированный индивид дает, как правило, на основе доверия и включения "понимающего" в число своих. Формирование категории "понимающих" может осуществляться через профессиональную сферу - это могут быть медсестры, полицейские, социальные работники и др. Понимающие могут также быть родственниками или близкими, связанными со стигматизированным индивидом различными социальными связями. В качестве таковых могут выступать дочь бывшего заключенного, родитель калеки, друг слепого, семья палача и т.д. Гофман называет эту категорию понимающими "по обычаю".

Гофман рассматривает разные виды социализации стигматизированного индивида. В зависимости от вида клейма и времени его приобретения. Особенное внимание исследователь уделяет той категории "стигматизированных", которая имеет врожденной стигмы [8, с. 2]. Здесь появляются вопросы вторичной социализации и вхождения в уже знакомое общество с новой для личности стигматизированной идентичностью. Для таких людей, по мнению Гофмана, важным является познание опыта "своих" через литературу и непосредственную коммуникацию.

Гофман ставит в своей работе еще один вопрос - кто в обществе производит разделение людей на "стигматизиро-

ванных" и "нормальных". Отвечая на него, исследователь называет в первую очередь профессиональные сообщества – медиков, ученых. Врач может определить тип стигмы. Понятие "нормального человека" может основываться на медицинском подходе к человеку или тенденции крупных бюрократических организаций (таких, как национальное государство) обращаться со всеми своими членами одинаково. Это понятие, каким бы ни было его происхождение, задает основную схему, следуя которой обычные люди постигают себя. Любопытно, что эта конвенция сложилась в популярных жизнеописаниях, где человек, относительно идентификации которого возникают вопросы, доказывает свою нормальность, ссылаясь на наличие жены и детей и, как ни странно, на то, что он провел с ними Рождество и День благодарения [8, с. 12].

Гофман иронически замечает, что в Америке есть только один тип "нормального" мужчины: молодой, женатый, белый, живущий в городе, происходящий с севера, гетеросексуальный, протестант, отец, имеющий высшее образование, трудоустроенный, внешне импозантный, могущий похвалиться недавними спортивными достижениями.

Таким образом, Гофман резюмирует, что стигматизация есть черта, присущая любому обществу, где существуют нормы, которые касаются идентичности личности и социума. Стигма в самом человеке создает пробел между видимой и реальной идентичностью, потому каждое явления стигматизации и стратегия управления стигмой является общеобязательной.

Гофмана иногда обвиняют в том, что его теория обращается только на людей с девиантной идентичностью. Предметом его анализа, действительно, становятся алкоголики, наркоманы, женщины после операции на грудь, слабовидящие, беременные незамужние женщины, больные психиатрических лечебниц, нищие и т.д. Каков же эффект нашего видения и анализа экстраординарных случаев в обществе? Во-первых, постигаемыми оказываются процессы декодирования стигмы – возможности "нормальных" и "стигматизированных" вступления в коммуникацию. Во-вторых, возможность осознания и

нахождения стратегии поведения в обществе, состоящем из "нормальных" и "стигматизированных". Гофман открытым оставляет вопрос о позволительности экстраполяции выводов, касающихся стигматизации на общество в целом и на людей с отклоняющейся идентичностью. Таким образом, этот вопрос перемещается на личный уровень и звучит как "является ли каждый из нас "стигматизированным"?". Существование такого вопроса выступает главным основанием складывания толерантной общественной системы коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Goffman, E. Presentation of self in everyday life. – New York: Doubleday Anchor, 1956 (русский перевод "Представление себя другим в повседневной жизни" / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000).
2. Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. – New York: Doubleday Anchor, 1961.
3. Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1963, –Harmondsworth; Penguin, 1968.
4. Goffman, E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. – New York: Doubleday Anchor, 1967.
5. Goffman, E. Strategic Interaction. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
6. Goffman, E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – New York: Harper and Row, 1974.
7. Goffman, E. Forms of Talk. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
8. Гофман, И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). Перевод М.С.Добряковой.// Русский социологический форум, №1-4, 2000 <http://www.sociology.ru/forum/ogl3-4-2000.html>

УДК 342 (07)

Бреский О.В.

СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 2004 году в Брестском государственном университете проходила конференция, посвященная проблемам становления союзов в Восточной Европе. Данный большой вопрос был разбит на множество составляющих². Но главным стержнем дискуссии на конференции явилась проблема складывания структур и статус элементов, из которых складываются Восточно-Европейские сообщества. Данная статья является попыткой осмысления проблематики Третьих Афанасьевских чтений.

1.

Социальное пространство может задаваться различными переменными. Оно может характеризоваться как раздробленное или целостное, гетерогенное или гомогенное, институционализированное или хаотичное, управляемое или неуправляемое, коммунитаристское или индивидуализированное.

Каждая из пар параметров задает шкалу, на которой можно найти реальное сообщество. Крайние значения шкал не имеют места в реальности. Нет абсолютно гетерогенного или гомогенного сообщества, существуют сообщества с той или иной степенью гомогенности или гетерогенности. Не существует обществ абсолютно раздробленных или абсолютно целостных, есть лишь сообщества с той или иной степенью целостности и раздробленности. Однако можно представить себе ситуацию, когда некий социальный субъект заявляет, что целью данного сообщества является достижения состояния полной гомогенности, или полной и абсолютной целостности или управляемости. Мы попадаем с ситуацией иного порядка, которая обусловлена отрицанием самой шкалы, на которой располагается сообщество. Категории "целостность", "гетерогенность", "управляемость" перестают быть дескриптивными

Бреский Олег Валентинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина
Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

² Вторые Афанасьевские Чтения "Социальные процессы: Восточно-Европейский контекст". Основания политических, социальных, религиозных союзов в Восточной Европе. / Программа конференции. – Брест, 2004.